

Самойлов Д.

31. 10. 92.

КУЛЬТУРА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

«Заходите, пожалуйста. Это стол поэта. Кушетка поэта. Книжный шкаф. Умывальник. Кровать. Это штора — окно прикрывать. Вот любимое кресло. Покойный был ценителем жизни спокойной». Этимironническим стихотворением «Дом-музей» Давида Самойлова будто предсказал ту фантастическую ситуацию, которая ждала память о нем и его вдову после его смерти. И это оставило впереди ко вслого рода увековечиваниями... «Смерть поэта — последний раздел». Не толпитесь перед гардеробом!».

Лидия Графова: Вот уж не представляла, Галина Ивановна, что придется с вами вести эту печальную беседу, что вы окажетесь беженкой, изгнанной из вашей любимой Эстонии...

Галина Самойлова: Меня никто не выгонял. Я сама приняла решение уехать. В том психологическом климате, который установился в Эстонии, жить очень тяжко. И, кстати, не только русским. Разумному большинству эстонской интелигенции тоже нелегко. Я думаю, если бы Давид Самойлов был жив, он бы уехал, не раздумывая.

Л. Г. Но вы-то собирались там оставаться, вы создавали музей... Внезапное решение об отъезде перевернуло всех ваших московских друзей. Мы не могли понять, как это вдруг...

Г. С. Я и раньше чувствовала обреченностю своего дела, но считала себя связанный определенными обязательствами. Ведь идея создания музея Самойлова исходила от властей города Пярну. На поминках (кстати сказать, все хлопоты с организацией поминок и похорон город взял на себя) прогучало: хорошо бы в этом городе, который Самойлов воспел во многих стихах, открыть его музей. Я не придала этому особого значения — мало ли что говорят, расчувствовавшись на поминках. Но ровно через три недели мне принесли из мэрии постановление о создании музея.

«Никогда не забыть тот черный день 23 февраля 1990-го, когда в Москву пришла весть о кончине поэта. Он умер так же легко и прекрасно, как жил. В Таллинском театре вел вечер Бориса Пастернака, произнес вдохновенную речь, зашел за кулисы, сел в кресло и вдруг упал. Сердце. Он, поэт-фронтоник, давно страдал тяжелой болезнью сердца, но до последнего мига жил полноценной жизнью. Когда врач-реаниматор, оказавшийся в зрительном зале, сумел, массируя сердце, на мгновение вернуть Самойлову в сознание, поэт попрощался с миром словами: «Ребята, не волнуйтесь, все в порядке». «Он весь дитя добра и света, он весь свободы торжества» — эти строчки, сказанные ногдато о Пушкине, не раз адресовались и Самойлову на его творческих вечерах, прозвучали они и над его гробом в Московском ЦДЛ, куда попрощаться с поэтом шли и шли тысячи его знакомых и незнакомых друзей. На главной сцене стоял обтянутый серым кремом, с огромными свечами в старинных подсвечниках по углам. Все мы, любившие Самойлова, с благодарностью думали тогда об эстонских властях, сумевших так быстро и заботливо организовать для нас прощание с поэтом, тем более, что эти печальные хлопоты развернулись сами собой одновременно с судьбой музея.

Л. Г. Вы просили вид на жительство или эстонское гражданство?

Г. С. Я ничего не просила. Мне казалось, что музей, создаваемый мною для города, уже есть мой «вид» на жительство. Заместитель мэра пообещал, что статус музея будет в ближайшее время рассмотрен на какой-то комиссии. Через три недели ко мне пришла юная симпатичная секретарша из общества «Культурный капитал». (Интересное название — не правда ли?) Оказалось, этот « капитал» занимается теперь всеми вопросами культуры в Пярну, и я должна доложить секретарше все свои музейные заботы. Она все аккуратно записала и свою очередь должна была доложить на заседании правления «капитала». Такой заочный способ решения судьбы музея меня, мягко говоря, удивил. Ведь в Пярну, где бывают тысячи ту-

ристов, зайти им, кроме краеведческого музея, некуда. Музей Самойлова мог бы стать еще одним «очагом»... Но тем визитом секретарши все и закончилось.

Л. Г. Даже никто не позвонил?

Г. С. Знаете, все происходило на таком низменном уровне, что многие люди, узнав из газет внешнюю канву событий, звонят мне и спрашивают: неужели это правда? И я сама сперва не могла поверить... Ведь мы с Давидом Самойловым привыкли к тому, что если эстонцы что-то делают, они делают это с великолепной точностью и коррект-

истов, зайти им, кроме краеведческого музея, некуда. Музей Самойлова мог бы стать еще одним «очагом»... Но тем визитом секретарши все и закончилось.

Л. Г. Даже никто не позвонил?

Г. С. Никто. Ни разу. В иммиграционный департамент я пошла где-то через месяц с чисто утилитарной целью: как мне получить визу для поездки в Москву и возвращения обратно? Две мои детей живут в Москве, со мною — сын, больной от рождения, его нужно было вести на прохождение ВТЭКа... Начальница иммиграционного департамента, типичная партдама, прямо с порога начала меня отчитывать. Оказалось, мы с сыном уже год проживаем на территории независимой Эстонии незакон-

но, значит — из мэрии. Видимо, мэр и его замы были нелевко ронять престиж города, отказывая мне в музее, вот они и сделали это чужими руками.

Л. Г. И теперь — получается — вы сами виноваты, что уехали?

Г. С. Я спросила: что я должна сделать, чтобы узаконить мое проживание? Она протянула мне анкету — нужно ее заполнить... Нужно сообщить массу сведений о себе и своих родственниках, включая внуков и девилю фамилию моей матери. Нужно сдать анализы на туберкулез и СПИД, принести справку из психдиспансера... И когда я все это проделаю, я должна снова прийти к ней, к начальнице, и она отдаст мои документы на какую-то комиссию, «А вы зна-

ла, значит — из мэрии. Видимо, мэр и его замы были нелевко ронять престиж города, отказывая мне в музее, вот они и сделали это чужими руками.

Г. С. Вы до сих пор не понимаете... Суть интриги в том и состояла, чтобы вынудить меня по собственному желанию освободить город Пярну. Никаких отказов о музее я не получала. Более того, мне передавали, якобы министр культуры Эстонии недумал:

а почему она не добивается эстонского гражданства? Это все равно, что нашим обищавшим и замученным людям сегодня сказать: а почему вы не хотите быть богатыми и счастливыми?

Л. Г. Мне кажется, европейское сообщество скоро поймет дискриминационность эстонского и латвийского законов о гражданстве и применит к

в том, что выезжающие обязаны составить подробный список вывозимого имущества (вплоть до простыней и вилок!) и заверить его. У нас только книг получилось более 70 коробок. Так вот, чиновница мэрии посоветовала: почему мы не сосчитали, сколько томов в каждой коробке... Это — все, «сэс он кык», как говорят эстонцы.

Л. Г. Вы возненавидели Эстонию?

Г. С. Я сострадаю ей. Мне больно за людей, которые по вине политиков попали в состояние такой моральной опасности. Со многими эстонскими друзьями я буду поддерживать отношения до конца своих дней. Сам город Пярну мне по-прежнему дорог. И не только потому, что там могила моего мужа. Ведь там прошли

Лидия
Графова

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИНТРИГА

«Не могу слышать эти слова: «музей» и «эстонская виза»...», — говорит вдова поэта Давида Самойлова.

но! Это грубое нарушение. Получалось, нас надо бы отштрафовать. Я ничего не могла понять, она совала мне принятый год назад закон об иммиграции, чтобы я тут же, при ней, его изучила.

Л. Г. А вы о нем не знали?

Г. С. Читала, конечно, в газете. Но, во-первых, пойди разберись в этих юридических хитросплетениях. А во-вторых, мне в голову не приходило, что закон об иммиграции может относиться ко мне. 17 лет мы прожили в доме, который является нашей частной собственностью... «Наличие собственности не дает никаких преимуществ!» — заявила начальница.

Л. Г. Какой же это абсурд: человек живет в своем доме, но не имеет, значит, права жить в ставшей чужой стране.

Г. С. Я искренне не могла этого понять, а она все больше возмущалась, посыпала меня, раз я такая непонятливая, в Таллинн в центральный иммиграционный департамент. «Когда мы жили в Советском Союзе, мы уважали ваши законы, а теперь вы будете уважать наши»!

Ни к оккупантам, ни к колонистам присыпли себя я не могла. Мы с Давидом Самойловичем всегда помнили, что мы в Эстонии гости и старались исполнять все здешние порядки и обычай. Он любил мелодичный эстонский язык, перевел на русский многих местных поэтов.

Л. Г. Начальница понимала, что она говорит с вдовой Самойловой?

Г. С. Я не сочла возможным в таком разговоре упомянуть о музее или о могиле мужа. Но она прекрасно знала, что я, ворзах проговорилась: обомни ее позовили «сверху». Видимо, оттуда же, «сверху», ей и продиктовали сценарий, разговора со мной. Сама бы она на такое не решилась.

Л. Г. Откуда же «сверху»?

Г. С. Поскольку нигде, кроме мэрии, я до этого не была

ете, какая там очередь?» Оказывается, на два с половиной года, а квота — всего 14 человек в квартал. «Ну, уж если ваш муж такой знаменитый, вам, может быть, сделают побыстрее...»

Л. Г. Что сделают?

Г. С. Ну эту временную прописку на шесть месяцев.

Л. Г. А потом все снова?

Г. С. Через каждые шесть месяцев нужно являться в этот иммиграционный департамент и ставить штамп о продлении прописки. Если следовать их логике, я, значит, еще два с половиной года вынуждена жить незаконно, чтобы потом на шесть месяцев себя узаконить... А до тех пор я не могу ни выехать (нет визы), ни остаться, не имею права обменять свои рубли на кроны, купить хлеб в магазине... Автоматически я заплатила 20 рублей

за этот листок анкеты, вышла на улицу, добрела до скамеек, там два приезжих бизнесмена толковали о своих делах, спросили у меня: где здесь море? Я не смогла ответить, для меня не существовало ни моря, ни неба, только этот разговор...

...В Пярну легкие снега. Так свободно и счастливо! Ни одна нога не ступала вдоль залива. Биографии Самойлова называют пярнуский период его творчества «многолетней болдинской осенью». «Я сделал свой выбор. Я выбрал залив, чтобы жить в нем навсегда».

Лет десять назад мне посчастливилось посетить их дом и как сейчас вижу наши веселые прогулки по Пярну. Поэт, уже тогда потерявший большую часть зрения, ходивший с тростью, не видя вдоль своего любимого залива, рассказывал о живущем здесь когда-то Ганибеле, как о современнике. Он знал почти что наизусть, но какая же наизусть была его походка, легкая — как те летящие пярнусские снега...

Г. С. Наши эстонские друзья были в шоке, призвали меня бороться за музей, но я не сделала ни шагу. И других удерживала: зачем идти по закрытому следу? Насильственное втискивание в эстонские рамки памяти о Самойлове было бы искажением пропорций его личности. Ну, судите сами: директор школы, где раньше изучали русский, с торжеством объявлял ученикам: «Наконец-то мы вымыли, изгнали этот язык!» Да, я давно чувствовала чужеродность музея, ведь произошло разлучение адресата с вестью, но утешала себя: мой дом — моя крепость. Теперь этот смрад ворвался и внутрь дома. Раньше меня поддерживали сами стены, где все осталось, как при Давиде Самойловиче. Теперь я потеряла обрамление жизни. Тотальное одиночество...

Л. Г. Мэр так и не пришел в

Г. С. Опять вы... Я попросила через посредников: если город не хочет окончательно потерять свое лицо, пусть мэрия поможет мне срочно оформить разрешение на выезд.

Мне передали, что моим вопросом займется культурный советник, и все время спрашивали: «Ну, звонили вам культурный советник? Был у вас советник?» Он, видимо, до сих пор идет... Разрешение на выезд мне достали эстонские друзья. Они же помогли продать дом (за бесценок, конечно), упаковать экспонаты и весь домашний скарб, которым мы обросли почти за два десятка лет. Напоследок пришло все-таки еще раз пойти в мэрию. Дело

многие счастливые годы нашей жизни, и этой памяти у меня никто не отберет. Никакие амбарные замки на границе...

Л. Г. В чем вы видите моральную опасность для эстонцев?

Г. С. Ну, во-первых, страна, которая только что с муками избавилась от советского тоталитарного молоха, завела такую низкопробную бюрократическую рутину, что оторвать берет. Во-вторых, и это главное, провинциальная замкнутость, равнодушие ко всему на свете.

Л. Г. Вы имеете в виду культуру? Но сегодня, когда люди кипят в диком рыночном котле, по всей территории бывшего Союза с культурой глуховато...

Г. С. Я с большой думой, как переживает Эстония эту трудную зиму. При отсутствии топлива, при бешеных ценах на нефтепродукты... Все это им придется закупать на валюту. Я часто слышала, как в республике, гордящейся своей независимостью, обвиняют Россию: почему Россия нам не дает этого-то или того-то. Нелепо, право же... Я не раз спорила с эстонскими интеллигентами: ну, хорошо, вы изгоняете русскую культуру, она всегда была чужда, эстонский этнос психологически ориентирован на Запад, но почему же не видно сегодня притока западной культуры? На чем вы будете воспитывать молодежь? Эстонцы очень гордятся своей культурой. Это хорошо. Но отвернуться от Востока и ничего духовно не взять у Запада — значит замкнуться, обречь себя на провинциализм, изоляционистское самочувствие. За все последние времена я встретила только одну статью писателя Яана Каплински, который восстает против этой угрозы. Он пишет, что нельзя его лишить ни западной, ни восточной культуры, потому что тогда он будет не он...

Л. Г. Все время кажется, что это националистическое бешенство, которым заражены сегодня почти все бывшие республики, вот-вот пройдет...

Г. С. Не думаю, что это пройдет скоро. Люди ведь изнутри меняются. Нравственная пригнанность людей, боящихся поднять голос, — таков неожиданный результат отсюда. Ну, представьте: этим летом в Таллинне и Тарту были разгромлены еврейские кладбища. Факт невероятный, в Эстонии никогда не было антисемитизма. Но интеллигенция никак на это не прореагировала, печать промолчала...

Л. Г. Очень обидно, что уже готовый музей лежит теперь в этих ящиках, загромождая всю московскую квартиру. И жить вам по сути негде, и музея нет.

Г. С. Я не могу слышать эти слова: «музей» и «эстонская виза». Что поделать, если Эстония не созрела до бескорыстия, при котором могла бы хранить память о поэте, оставившем след на ее земле. Пускай созревает, пускай становится цивилизованным, гуманным и процветающим государством. Я ей всячески желаю добра.